

—

Когда группа прибыла к горе Цуйвэй, закатное солнце расплавленным золотом разливалось по небу, и облака, словно объятые пламенем, окутывали изумрудные вершины, похожие на ширмы и преграды. Стаи или одинокие птицы кружили в воздухе, а затем каждая возвращалась в свой лес. Прохладный ветерок скользнул по склонам горы и достиг лиц путников. В воздухе витал чистый аромат трав и родниковой воды, и прежде чем они вошли в горы, их души уже ощутили свежесть и бодрость.

К месту расположения временного дворца вела горная дорога, достаточно широкая для проезда экипажей. Хотя она была извилистой, она была ровной, что позволяло наслаждаться прекрасными видами горы, не испытывая сильной тряски.

В чаще леса показался олень, а вечером донёлся звон колокола.

Фу Мин прислушался, и когда звон колокола постепенно затих, он спросил: «Есть ли в этих горах храм?»

Цзинь И ответил: «В горах Цуйвэй находится монастырь Люли, это императорский храм. Хотя он и не так велик, как тот, что в столице, но больше похож на место для чистого буддийского уединения».

Фу Мин сказал: «В суете города он процветает, а в лесу он чист и незапятнан. У каждого свои достоинства».

Цзинь И спросил: «Учёные нашей династии в основном придерживаются конфуцианства и не любят поклоняться богам и Буддам. Мне кажется, что ты испытываешь какое-то родство с буддизмом».

Фу Мин сказал: «Это не совсем родство. У меня есть наставник, который является врачом, но он глубоко изучил буддийскую философию, и, слушая его, я тоже не испытываю неприязни».

«Врач, практикующий буддизм?»

Фу Мин кивнул: «Мой наставник весьма искусен в медицине, но рождение, старость, болезни и смерть — это естественные состояния человека, и даже умелые руки не могут вернуть весну. Когда невозможно исцелить, остаётся только утешать. Он говорил, что у Будды есть сострадание и мудрость, которые могут облегчить страдания в сердцах людей».

Цзинь И, услышав это, вспомнил свиток «Сутра сердца» и тихо произнёс: «О Бодхисаттва Авалокитешвара, практикуя глубокую праджняпарамиту, он озарил пять скандх и увидел, что все они пусты, и таким образом избавился от всех страданий...»

Фу Мин, услышав это, слегка улыбнулся и спросил: «Господин часто читает, возможно, что-то постигли?»

Цзинь И покачал головой: «Если нужно, чтобы все пять скандх были пусты, чтобы выбраться из моря страданий, то чем такая мудрость отличается от полного отчаяния?»

Фу Мин ничего не ответил, и лишь спустя долгое время сказал: «Поэтому, вместо того чтобы постигать буддийскую философию, я предпочитаю наслаждаться стихами Ван Вэя: “Дойдя до

источника воды, сию и смотрю, как поднимаются облака”». Приподняв занавеску кареты ещё выше, он повернулся и улыбнулся: «Господин, смотрите, мы приехали».

Дворец Цюйвэй, построенный в соответствии с рельефом горы, с изогнутыми крышами, скрытыми среди скал и прекрасных деревьев, с чистыми ручьями, протекающими через него, и облаками, мерцающими между ними, походил на сказочную страну за пределами мира.

Все покинули лошадей и экипажи и, встреченные служанками и стражниками дворца, вошли в главные ворота, направляясь в глубину дворцового сада.

В тот вечер третий принц устроил пир в их честь. Учитывая усталость от путешествия, они просто поужинали и разошлись.

Фу Мин последовал за Цзинь И в павильон Юньшэн.

«Только что ты постоянно был рассеян, у тебя что-то на уме?» — спросил Цзинь И у Фу Мина.

«Мне показалось, что третий принц знаком, и я не мог не думать, когда же я его видел».

«Вспомнил?»

«Угу. Прошлой осенью, в ночь Середины осени, тот высокопоставленный чиновник, о котором вы говорили, оказался им». За столом Фу Мин, связав все причины и следствия, кажется, лучше понял, почему Цуй Жун тогда напал на него, третий принц молчаливо одобрил это, а Цзинь И оставался в стороне.

Цзинь И также вспомнил прошлогодние события. Он хотел сказать, что если бы такая ситуация повторилась сегодня, он бы ни за что не остался в стороне. Но произошедшее нельзя изменить, а предположения о несбывшемся бесполезны. Он хотел что-то сказать, но не мог выразить свои мысли. В порыве эмоций он невольно взял Фу Мина за руку и крепко сжал её, словно желая этим прикосновением что-то передать.

Когда рука Фу Мина была схвачена, его тело мгновенно слегка напряглось, и на ладони быстро выступил пот. Он был поражён, и в его сердце постепенно зарождались странные чувства. По мере того как его шаги неосознанно двигались, он медленно успокаивался, постепенно понимая, почему Цзинь И поступил так. Слегка улыбнувшись, он тоже сжал в ответ ту руку, которая не желала отпускать его влажную ладонь.

Постепенно их пальцы сплелись, тени слились, и они, омытые лунным светом, усыпанным росой, дошли до павильона Юньшэн.

Павильон Юньшэн был построен на краю глубокого ущелья. Внизу был высокий помост, а над ним — ещё один павильон, напоминающий стоящего на берегу ручья журавля со сложенными крыльями.

Люй Фэй и другие уже всё обустроили. Слуги жили на нижнем этаже, а комнаты господ занимали весь верхний этаж.

В комнатах не было стен, вместо них были раздвижные двери и окна. Чистые белые, неокрашенные марлевые занавески висели по всему периметру, как бы приглашая и одновременно отталкивая свежий ветерок, яркую луну, горный пейзаж и тени облаков.

Фу Мин непринуждённо устроился на пуфе, держа в руках чарку вина из горных фруктов.

Глядя на глубокое ущелье под луной за окном, на сосны и бамбук, шелестящие на ветру, он медленно потягивал вино.

Цзинь И полулёжа рядом, обнял его сзади и спросил: «Тебе нравится?»

«Угу. Нравится», — тихо ответил Фу Мин, словно боясь что-то потревожить, но его голос всё равно ясно выдавал радость.

Цзинь И невольно усмехнулся. Смех прокатился в его горле, опьяняя больше, чем изысканное вино, но он сдержал себя в рамках приличия: «Сегодня ты устал, ложись пораньше, а завтра, если не будет дел, я поведу тебя прогуляться по горам».

Цзинь И встал, Фу Мин допил вино, протянул руку Цзинь И, тот легко поднял его, и двое, взявшись за руки, направились к кровати, где укрылись одеялом и обнявшись уснули.

Ручей убаюкивал, но щебет птиц разбудил.

Фу Мин проснулся, рядом было ещё тепло, но человека уже не было. Он встал и подошёл к двери. Он увидел внизу, у ручья под павильоном, Цзинь И, упражняющегося с мечом. Из-за разбросанных камней местность была очень неровной, но Цзинь И двигался, как по ровному месту, легко переступая ногами, а тень его меча мелькала, словно ветер.

Все в мире говорили, что Цзинь Чанцзе достоин быть потомком генералов, обладая выдающимся талантом в боевых искусствах, и что семья Цзинь имеет преемника. Однако усердие этого человека, который по ночам при свечах читал военные трактаты, и его упорство в ежедневных утренних тренировках с мечом, независимо от суровой зимы или знойного лета, оставались скрытыми от посторонних глаз.

Несмотря на разгар лета, по утрам в горах всё ещё было прохладно. Фу Мин накинул длинный халат. Когда Цзинь И вернулся в комнату, на его лбу выступил пот.

Фу Мин, повинувшись порыву, подошёл к нему, вытер пот, а затем подал ему чай. Когда Цзинь И вытер пот и переоделся, он приказал подавать завтрак.

Горная дичь и дикие овощи, прошедшие через руки императорского повара, стали изысканными. Двое позавтракали, и Фу Мин последовал за Цзинь И за дверь.

Оба были одеты в плотную одежду и направились по узкой тропинке в глубь леса. Цзинь И нёс за спиной лук и колчан со стрелами, а Фу Мину велел взять острый кинжал на случай непредвиденных обстоятельств.

Идя вдоль ручья, они шли по извилистой горной тропе. Однако пышная растительность и аромат диких цветов заставляли забыть о трудностях пути. Устав, они отдыхали у воды, наблюдая, как ручей журчит, наталкиваясь на большие камни в воде, и брызги разлетаются, как жемчужины. Иногда белые цапли прилетали к ручью попить воды, и, увидев людей, с криком взлетали и опускались вдалеке.

Горы, хотя и были уединёнными, обладали бурной жизненной силой. Человек, идущий по горам, даже если он молчит, лишь шелест травы и звуки природы вокруг, никогда не чувствует себя одиноким, лишь ощущает чистое наслаждение.

Фу Мин слышал и видел многое, и многие мысли изливались из него, как из источника. Он хотел сказать, что нужно было взять цинь, но потом подумал, что не следовало его брать.

Сейчас лучше погрузиться в объятия гор, а когда вернётся, тогда и вспомнит об этом прекрасном чувстве с помощью циня.

Цзинь И, казалось, разделял чувства Фу Мина. Всю дорогу он не много говорил, лишь иногда произносил «осторожно» на скользких и высоких камнях или протягивал руку, чтобы помочь.

Они действительно дошли до истока ручья. Оказалось, ручей вытекал из глубокой, тёмной пещеры, а по внешним стенам пещеры стекала сладкая родниковая вода. Фу Мин кончиком пальца взял каплю, положил её в рот и почувствовал чистый, свежий вкус на языке. Он с улыбкой сказал Цзинь И: «Попробуй».

Цзинь И повторил его движения и сказал: «Действительно, хорошая вода».

Фу Мин сказал: «Эта вода даже лучше, чем сливовая вода с медовым оттенком, очень редкая. Жаль, что мы не взяли с собой сосуд, иначе можно было бы набрать немного, чтобы заварить чай».

«Что тут сложного», — Цзинь И жестом попросил Фу Мина дать ему кинжал. Он нашёл поблизости сухой бамбук, приложил силу и отрубил кусок, превратив его в бамбуковую флягу.

Вода капала с камня очень медленно, поэтому они сели на траву и стали ждать, пока бамбуковая фляга наполнится.

Цзинь И вытянул ноги. Фу Мин понял и лёг на них. Он очень устал, и теперь, лежа, он чувствовал себя расслабленным во всем теле. Глядя в небо, он видел белые облака, похожие на шёлк и нити, легко скользящие по бескрайней синеве. Птицы медленно и изящно парили, вызывая желание отрастить крылья и свободно парить.

Долгое время, нет, пожалуй, впервые в жизни, Фу Мин чувствовал себя так свободно и беззаботно. Он прикрыл глаза, взял одну руку Цзинь И и положил её себе на грудь. С улыбкой на губах он тихо задремал.

Небольшой отдых облегчил усталость от пути, а бамбуковая фляга уже давно переполнилась. Взглянув на небо, Фу Мин встал и сказал: «Давайте вернёмся, эту воду нельзя долго хранить. Вернувшись, я заварю вам чай и сыграю мелодию, которую уже сочинил в уме».

Цзинь И спросил: «Больше не уставший?»

Фу Мин с улыбкой сказал: «Я чувствую себя легким и свежим!»

Цзинь И поднял бамбуковую флягу, а другую руку протянул Фу Мину. Фу Мин также великодушно дал ему свою руку. Они шли то друг за другом, то бок о бок, по той же дороге, по которой пришли, возвращаясь в павильон Юньшэн.

На полпути Фу Мин обернулся. За ним, под полуденным солнцем, горы казались ещё яснее, а белые облака уже не были такими, как при их приходе, они собрались в кучу, словно воздушный замок.

Когда они вернулись в павильон Юньшэн, к ним пришёл гость — коллега Цзинь И, Ань Цзинчжи, о котором он когда-то упоминал Фу Мину.

Лучше прийти в нужное время, чем во время. Ань Цзинчжи, придя в это время, выпил хороший чай и послушал прекрасную музыку. По дороге обратно он встретил третьего принца и, не

скрывая радости, выложил ему всё о своей неожиданной встрече в павильоне Юньшэн, переполненный похвалой. Таким образом, Фу Мин, который приехал с Цзинь И просто для отдыха и развлечений, получил срочное задание — подготовиться к банкету через несколько дней.

Цзинь И сказал: «Если ты не хочешь, я пойду и попрошу третьего принца освободить тебя».

Фу Мин немного подумал, покачал головой и сказал: «Ничего страшного, третий принц — тот, за кем вы следуете, зачем отказываться?»

Видя спокойное и уверенное выражение лица Фу Мина, сердце Цзинь И наполнилось теплом, и он подумал: «Такой человек делает это для меня, — это большое благословение».

—

<http://bllate.org/book/12585/1118424>